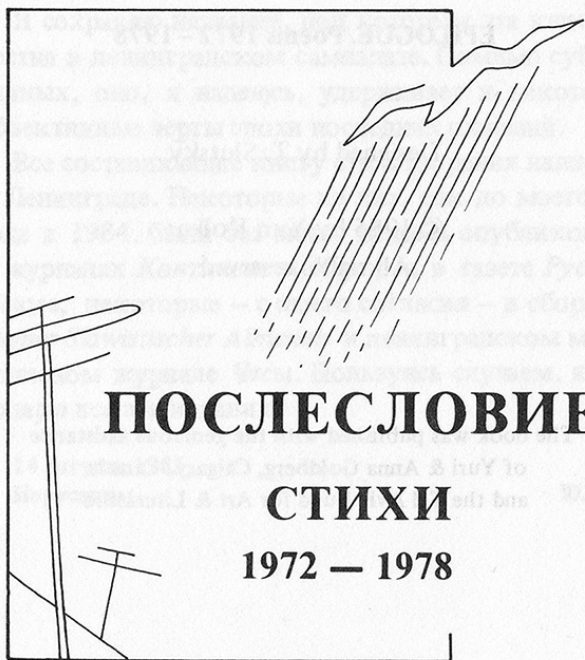

ЮРИЙ КОЛКЕР

ЮРИЙ КОЛКЕР

ПОСЛЕСЛОВИЕ СТИХИ

1972 — 1978

ЛЕКСИКОН

Yuri Kolker

EPILOGUE. Poems 1972–1978

Designed by T. Slutsky

© 1985 by Yuri Kolker

All rights reserved

The book was published with the generous assistance
of Yuri & Anna Goldberg, Calgary, Canada
and the Tel Aviv Fund for Art & Literature

LEXICON Publishing House
P.O. Box 6642, Jerusalem

Я сохраняю название, под которым эта книга известна в ленинградском самиздате. Помимо субъективных, оно, я надеюсь, удерживает и некоторые объективные черты эпохи последних иллюзий.

Все составляющие книгу стихотворения написаны в Ленинграде. Некоторые из них, еще до моего выезда в 1984, были без моего ведома опубликованы в журналах *Континент* и *Кинор* и в газете *Русская Мысль*; некоторые — с моего согласия — в сборнике *Wiener Slawistischer Almanach* и ленинградском машинописном журнале *Часы*. Пользуясь случаем, я благодарю все эти издания.

14 августа 1985,
Иерусалим.

Ю.К.

Я сохраняю название, под которым эта книга известна в ленинградском самиздате. Помимо субъективных, оно, я надеюсь, удерживает и некоторые объективные черты эпохи последних иллюзий.

Все составляющие книгу стихотворения написаны в Ленинграде. Некоторые из них, еще до моего выезда в 1984, были без моего ведома опубликованы в журналах *Континент* и *Кинор* и в газете *Русская Мысль*; некоторые — с моего согласия — в сборнике *Wiener Slawistischer Almanach* и ленинградском машинописном журнале *Часы*. Пользуясь случаем, я благодарю все эти издания.

14 августа 1985,
Иерусалим.

Ю.К.

СЕТИ

*Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистающих туманов царь – и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель...*

Е. Боратынский

* * *

Ты слышишь, как воды шумят
В дождливое лето.
Ты видишь, как годы летят, —
И празднуешь это.

Над жизнью твоею беда
Гнезда не свивает,
Любовь не свивает гнезда,
И слез не бывает.

И в этот твой час над тобой
Стопою бесшумной
Проходит воздушной тропой
Твой ангел бездумный.

Он видит над жизнью твоей
Намокшие крыши,
Чердак, где сидит воробей,
Оконные ниши,

Антенны, торчащие вкось...
Он медлит снаружи,
Твой ангел, промокший насквозь,
Поникший от стужи.

Но чайка над домом висит,
И сумрак редет,
И ты не торопишь визит,
И он не посмеет...

1975

Но чайка над домом висит,
И сумрак редет,
И ты не торопишь визит,
И он не посмеет...

1975

* * *

Водящее твоей рукой
Счастливое чутье
Живет, как дымка над рекой, —
Неясное, ничье.

Оно тебе принадлежит
Лишь в тот единый миг,
Пока рука твоя дрожит,
И возникает стих.

Никто не сможет объяснить,
Зачем и почему
Из ничего плетется нить,
Послушная ему.

И даже самый результат
Лишь к тем в сердца стучит,
Кого целебный этот яд
В несчастьи отличит.

1974

* * *

Чайки свободный полет
Нов, как судьбы возвращенье.
Повод к любви подает
Ясное это круженье.

Понял я, как назову
Повод к труду и надежде.
Можно ли верить? Живу
В полную силу, как прежде.

1974

* * *

Ты, с надеждой слитая в одно,
Растворенная во всем на свете, —
В каждом незатейливом предмете
Мне твой оттиск разглядеть дано.

Вечная, не оставляй меня!
Будь со мной, а мне позволь с тобою
Быть, твоей проникнуться судьбою,
Потеряться в сутолоке дня,

Легкий холод чувствовать в спине,
Зимний полдень, ветра дуновенье,
Связь со всеми — и уединенье,
И твое присутствие во мне...

1972

ПОСЛЕДНИЙ НАРОДОВОЛЕЦ

Мальчишка, поэт и скиталец,
От счастья волнуясь слегка,
Кладет указательный палец
На тонкое тело курка.

За веру — счастливое свойство —
И ясный мальчишеский лоб
Ему выпадает геройство
И смерти веселый озноб.

Французских наслушавшись басен,
Неапольским солнцем облит,
Не знал он, что подвиг напрасен
И будет так скоро забыт.

Балтийское море дымилось,
Сияло, текло на закат.
Но что-то во мне надломилось,
И я говорю невпопад...

1972

* * *

Здесь прогуливалась история...
Потрясениями сыта
Эта невская акватория,
Эта глянцева́я вода.

Как Флоренция, отшумевшая
И утихшая на века,
Так столица осиротевшая
В реку смотрится свысока.

Чья холодная неприкаянность — н,
Или северный ясный пыл
Допустили эту нечаянность —
Чтобы я в этом мире был?

Чтоб поэзия, точно заново,
Под таинственный плеск струи,
В недрах времени долгожданного
В строки вглядывалась мои?

1972

* * *

Л. Фукианскому

Птица летит высоко,
Реет, едва различима.
В небо идет глубоко
Струйка белесого дыма.

Скоро наступит весна,
Встреча — и, значит, прощанье.
Нас извещает она:
Это анонс, обещанье.

Нету яснее письма:
Белая, с черной головкой.
Сладить не может зима
С этой весенней уловкой.

Острого чувства крыла,
Участи птичьей не зная,
Знаю, как ей тяжела
Легкость ее неземная.

Белая, как молоко,
Голодом пьяная, мимо
Птица летит высоко,
Перистым небом хранима.

1976

* * *

В саду, на узком островке,
Со свитком знания в руке
И лавра веткою нездешней,
Сибилла Либика стоит
И тяжело за море глядит
Глазами муки безутешной.

Сибилла Либика, скажи,
Зачем деревья хороши
В своем спокойствии осеннем,
Зачем не слышно ветерка,
Зачем не движется река,
Волна не плещет по ступеням?

Сибилла Либика, спроси,
С какими силами в связи
Душа осеннего покоя —
Того, что стынет над рекой:
Спроси Того, кто сам — покой,
Кто племя пестует людское...

Вода недвижная лежит,
Слеза небесная бежит
С ее ланит, вопросу вторя.
Залив, ведущий в океан,
Едва синее сквозь туман,
Не видя слез, не зная горя.

1974

* * *

Веди, ни о чем не жалея,
Туда, где светлеет река
И тянется жизнь веселее,
И гибель, и вечность близка.

Веди, точно тему простую,
В свою полусветлую мглу,
Под эту иглу золотую —
Под эту стальную иглу.

Веди — мы приучены к боли —
Как если б уже отжило —
В пространства без мысли и воли,
Где грусть отпустила и злость...

1975

ИЗ ВАЛЬМАРА АДАМСА

Ты, сердце бедное, дом горя и огня,
Ты — чаша, полная расплава золотого,
Тебя влечет земля, венец всего земного,
И звон колоколов напутствует меня.

О, пепел времени, стареющее тело! —
Лови и удержи зари прощальный блик...
Протянется ль еще зимы печальной миг?
Подвинется ль мое неконченное дело?

1972

* * *

Настурции нежные листики,
Покачиваясь без конца,
Любителям эквилибристики
Показывают чудеса.

Невнятной косой паутинкою
Застыла на лицах у них
Улыбка танцовщицы тонкая,
Когда амфитеатр затих.

Качайтесь, слегка балансируя,
В поклоны вмешайте слова,
Француженки, нежно грассируя
В печальном своем *rouirquoi*.

Танцовщица, пафос движения
И легкость твою объясни!
Натурщица, боль и смятение
На миг от меня заслони!

1972

* * *

Ночной пирушки за столом
Такое мирное течение,
И вдруг — томительный надлом,
Неизъяснимое свечение...

Под утро, с привкусом беды,
Припомнятся ночные тосты,
Внезапный приступ немоты,
Окно, оскалившее звезды.

Звезды, ночующей в окне,
Прощальный луч у занавески,
Беды, почудившейся мне,
Неровные, глухие всплески...

1972

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Этот слог оттого и аляпист,
Что однажды, проснуться не дав,
Нас уводит из жизни анапест,
Безутешно рыдая в рукав.

И в домах — никакой перемены...
Виновато бывшее сулят
Безоружные вещи и стены,
Возвращая ушедшего взгляд.

Улыбнись, уходя в неизвестность,
Над историей и над судьбой,
Двух харит твоих, нежность и честность,
Навсегда уводя за собой...

Если завтра меня не разбудит
Крик стрижа, залетевший в окно,
Кто поверит, что счастья не будет?
Но и прежним не будет оно.

1972

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАЙКА

Осеннее небо лежит
Тяжелой, причудливой лепкой.
Последняя чайка кружит
Над стынувшей Малою Невкой.

Последняя чайка парит,
Висит над ларьком, над трамваем,
Щемящим простором дарит
Нас — прошлое мы забываем...

Послушайся ветра, прощай,
Лети, возвращайся в апреле
За корюшкой, в призрачный край,
На скудные невские мели,

Крылом опиши полукруг,
Кивни мне головкою черной,
Послушайся ветра, мой друг,
Оставь этот берег просторный!

1973

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

Он хочет жить, а надо гибнуть...

А. К.

* * *

Он под вечер садится за письменный стол
И в окно угловое глядит.
Там котельной трубы возвышается ствол,
И большая ворона сидит.

Птица тоже как-будто косит на него,
Но не взглядом, сводящим с ума:
Нет, не ворон Эдгара, всего ничего,
Городская ворона, кума.

Он бросает на прошлое мысленный взор —
Заурядное, в целом, жите:
Неудачи, удачи... Он смотрит в упор
На беду — и не видит ее.

То и страшно, что в фокусе вечно не то,
Что бедою не стыдно назвать...
Отвлекаясь, подводные съемки Кусто
Начинает герой вспоминать,

Тот неверный, невнятный, расплывшийся мир,
Где поверхность уже не видна,
Слух слабеет, теряется ориентир,
Да и жизни другая цена.

И пока его мысль подбирает слова,
Сквозь хандру пробиваясь с трудом,
Цепенеют деревья, спадает листва,
И вода покрывается льдом.

1974

* * *

Нельзя сказать, от поминутной злобы
Или от нескончаемой тоски,
Мерещатся ему крюки и скобы,
Крюки и скобы, скобы и крюки.

Он со стола сметает на пол крошки
И смотрит в угол, где снуют в пыли
Различные задвижки и *заложки*,
Щеколды, шпингалеты, костыли.

Прохожие, как рыбы в водоеме,
Ему навстречу разрезают рты —
Он ничего не замечает, кроме
Крюка в стене, крюка и пустоты.

Он вглядывается, как в сны цветные,
В спешащий человеческий поток,
И видятся ему крюки стальные,
Надежно ввернутые в потолок.

1975

Чуть поскрипывает лежанка,
бабабнит дождь по карнизу.
Восседает Смердис на троне,
головой касается неба.

1974

* * *

Этот город, короткий дневник
Наших судеб, их честный двойник,
Точный слепок, —
В пот, и в кровь, и в сознание проник —
И, как спирт неразбавленный, крепок.

Этот город... Чуть брезжит звезда,
Строчка вкось уползает с листа,
Плещет Мойка...
Обернешься назад — от стыда
Осыпаются годы, как слойка.

Жил не так и писал ты не так,
И в себе обманулся, простак.
Был ты болен
Честолюбием, дел на пятак
Совершив, был собою доволен.

Где стихи? что ты значишь без них?
Даром бродишь, подняв воротник,
Зря взволнован:
Этот город, твой частный дневник,
Не прочитан и не расшифрован.

Даром ты подколесную грязь
Месишь : с веком потеряна связь —
Вот мученье!
А беда, что с тобою стряслась,
Неважна, не имеет значенья.
1974

* * *

Живи, поэт-семидесятник,
Едва помеченный судьбой,
Прямого смысла верный латник,
Стяжатель доблести прямой.

Ты ценишь точность и усердье
И упиваешься трудом,
Из неизвестности в бессмертье
Воображением вedom.

И дружно в будничную лямку
Впрягаясь с музой иногда,
Въезжаешь в пасмурную рамку —
В семидесятые года.

Тут все твое предназначенье:
Подруги старенький халат,
И городской звезды свечение,
Звезды прилежной, в сорок ватт.

В сетях условного рефлекса,
Где привкус денег, дом, семья,
Прямая выжимка из текста —
Физиономия твоя.

Авторизованы названия
Тех улиц, где тебе жилось.
Что в них застряло? сень призыва?
Нет, скука, холодок и злость.

Живи же, с крохотною меткой
Судьбы, как с родинкой личнóй,
Под разночинной этикеткой,
Привычной жизнью мелочнóй.

1976

* * *

Летучих ямбов череда,
Без паузы, без остановки, —
Твоя удача и беда,
Твои намётки и обновки.
Беда, постромки натянув,
Со звонкой рифмой скачет, скачет,
Возница разевает клюв,
И счастье ничего не значит...
И самый стих, как звонкий ключ,
Как ключ от тишины — утерян,
И воздух влажен и колюч,
И сон летуч, и Бог похерен...

1974

НАД НЕВОЙ

1

Полусвет-полутьма наших северных дней
От Невы в недалеком соседстве —
Сколько ветра и слякоти, вод и камней,
Сколько горечи в этом наследстве!

Это наша судьба, обмануться нельзя...
Виден дворик из кухонной фортки,
По октябрьскому льду ты ступаешь, скользя,
Оглянувшись, минувешь задворки.

Разве не был я счастлив и ты не была,
Разве помнишь о прожитом часе,
Если воды и камни, стихи и дела,
Всё — судьбы неразрывные связи?

1973

Бледная моя петербуржанка!
Осеняют твой недолгий век
Счастья невеселого изнанка,
Холод, одиночество и снег.

Что-то мы поделаем с тобою
Здесь, над застывающей водой,
С болью подступающей, тупой,
С памятью чугуною, витой?

Хлюпающей кашицей покрыта,
Набережная пустым-пуста.
Что еще нашепчет нам Киприда
Ночью у Литейного моста?

1973

Где граница блаженства и муки,
На октябрьском сыром сквозняке,
Я стою над водою, в разлуке,
Со снежком невеселым в руке.

Не спасает вниманье к предметам
От озноба, сознание сквозит,
И фонарь склеротическим светом
Пробирает, и снег моросит...

Так нечаянно тронутый клавиш
Провоцирует стыд и испуг:
Звук царапнул — но как озаглавишь
Этот сердце царапнувший звук?

1973

Ты утру наступающему рад.
Полутемно, пустынен Летний сад.
Туман с Невы навеян,
И мостик Прачечный горбат...
Томящий и взыскующий субстрат
В холодном воздухе рассеян.

Тревожит он тебя и веселит.
Он здесь нарочно для тебя разлит.
Ты одинок, и праздник
В твоей душе, предчувствующей стих,
Как будто тайн творения святых
Ты новоизбранный причастник.
1973

* * *

Все повторится. Повторяется
Все. Узнается без труда
И с прежним опытом сверяется
Твоя неяркая звезда.

Все повторится в мире, скованном
Оцепенением людским,
В твоём раю запатентованном,
Под утлым небом городским.

И уж не с тем ли чайка мечется
Над человеческим жильем,
Чтоб мог порыв вочеловечиться
В ничтожном опыте твоём?

Но лишь у мысли птичьи навыки:
Сама собой увлечена,
В Афинах, Риме и Рейкьявике
Равно прокормится она.

1973

В ДОЖДИК, НА ПРОСПЕКТЕ СМИРНОВА

Вечер пасмурный, вкус неудачи
На губах, нерешенной задачи
Вкус — горчинка, маслина, миндаль.
Длится пауза. Тянется запах
Тополей. Просит веточек слабых
Ветер. Чахнет апрельская даль.

Дождик, лей! Я ничуть не тоскую,
Счастлив я, не мечтаю другую
Взять на ярмарке судеб судьбу,
Не тянусь я к удачливой музе:
Со своею бедняжкой в союзе
На своем выезжаю горбу.

Дождик, лей! Мы зальем невезенье.
Я уверен: найдется спасенье.
Ты, мой ангел, присядь на диван,
Мы отложим на пятницу стирку,
Перепишем стихи под копирку —
Пусть прочтет их журнальный болван.

От обид и душевных капканов
Нас спасает смещение планов:
Дождик, веточка тополя, Рим

С Колизеем, лазурные воды...
Здесь, на Выборгской, долгие годы
Мы о счастье с тобой говорим.

Тяжек дар притяженья земного.
Рев машин над проспектом Смирнова,
Зелень в кадке, цветы на окне, —
Все, что выхватит взгляд наудачу,
Приземляет мою неудачу —
Тяжелей, но спокойнее мне.

Неудача — моя, не чужая.
Счастлив я! Дождик льет, утешая
Нас, — нам в пору его утешать.
Сколько радости! Дождик, растенья,
Приглушенного слова рожденье —
Вот оно начинает дышать.

Сколько радости! Милое слово!
Ничего мне не помнится злого.
Лист газетный под локтем хорош:
Вот усач лейтенант возле танка,
Рядом — пляж, где хохочет смуглянка,
И малыш на китайца похож.

Все вокруг происходит недаром.
Вот, в халатике сестрином, старом,
Ты, мой ангел, и том Куприна
На коленях... Как слышен на пятом
Рев моторов! На склоне покатом
Влажной крыши — антенна видна.

Но пора. Ты, усач в гимнастерке,
Ты, антенна, застрявшая в фортке,
Ты, кадушка со щучьим хвостом,
Побережья манящая ласка,
Дождик, всхлипы машинного лязга,
Куприна лениздатовский том,

Все участники прочного счастья,
Все, кто в нем принимает участие,
Раньше всех — неудача моя, —
До свиданья! До встречи. Такая
Нам судьба. Ты одна, дорогая,
Ты, мой ангел, послушай меня...

1973

* * *

Время припустило без оглядки.
Пятницы мелькают, точно пятки.
Не успеешь дух перевести —
Тут суббота: пол хозяйка просит
Натереть; косясь, ведро выносит.
Глажка, стирка. Месяц позади.

Выстраданы дни — и тем отрадны.
Путеводной нитью Ариадны
Вьется жизнь, и так всегда вилась:
В строчках путалась, узлы давала,
За сучки и руки задевала
Тощ клубок, а не перевелась.

Ладно! Только бы не дать слабину,
Не свернуть, не потерять тропинку,
Только б честь на часть не променять,
Быть с тобою рядом, быть собою,
Осняясь нежностью слепую,
Жить — и рук подольше не разнять.

1973

* * *

Невнятное и в знаках водяных
На стеклах утро проступает.
Полубезумный, шевельнется стих
Впотьмах — и убегает.

Бежит, как сон, покинувший постель,
Струясь и тая,
В декабрьский полумрак, где слякоть и метель,
Перерастая.

Беги, беги! На свете нет жилья
Тебе, нет муки
Мне, только правда легкая твоя
Да сень разлуки.

Беги, не объясняя ничего,
Не ставя точки.
Ты хрупок, как живое существо,
Как миг отсрочки.

1975

* * *

У Фонтанки, в Косом переулке,
Где виднеется Прачечный мост,
И кружит, точно пес на прогулке,
Городской заплутавший норд-ост;
Где вопросы твои назывные,
Из тумана сгущаясь, звучат, —
Чьи, скажи мне, звучат позывные,
Облака кучевые висят?
Впрочем, нет переулка Косого.
Как он назван? Припомнить нет сил.
Ветерка, сквозняка назывного,
Путеводного этого зова —
Нет... и дико подумать: он был!

1976

ПАМЯТИ АНТИФАШИСТА

Его могила на чужбине,
А книжек нету и в помине.
Он жадно родину любил —
За то и проклят ею был.

Смотри, и мы его забудем!
Он странный свет оставил людям:
Багровый, зыбкий и косой,
Сквозь нас идущий полосой.

И стали мы при этом свете
Не те, что были: мы в ответе
За все — от кнопки на столе
И до заклепки на стволе.

Был крут его неверный гений,
Любил язык сопоставлений,
Внезапных выпадов игла
Поэту свойственна была.

Мы разочтемся с ним, как сможем:
Его по полочкам разложим,
Кивнем, не согласимся с ним,
Его ошибки объясним...

Состав его высокой страсти,
На конфликтующие части
Разъяв, нездешнее *прости*
Держу, как зернышко в горсти.

1972

КОНФОРМИСТ

Живи (судьба твоя такая)
Не разжимая кулаков,
По именам не называя
Твоих друзей, твоих врагов,

Приберегая каламбуры,
Чужой подхватывай мотив,
С дельцами от литературы
Будь дружелюбен и учтив.

Да-да, судьба твоя такая —
И, к слову, выбор твой таков —
Живи, подонкам потакая,
Не обижая дураков,

Терпи с личиной интереса,
Когда однажды, в свой черед,
Немолодая поэтесса
В тебе участие возьмет,

Свою начитанность, к тому же,
Не смей выказывать при них.
Судьба не лучше и не хуже
И не подлее остальных.

1972

* * *

Семидесятые, проклятые...
Здесь ласточка не вьет гнезда:
Погибли существа крылатые
От ужаса и от стыда.

Самодовольные, смердящие...
Пустоты, затхлость и застой.
Что делать музе в этом ящике?
Как выжить честности простой?

Как солнечной скупую ласкою
Согреться веточке живой
В соседстве с желтой, типографскою,
Коричневеющей листвою?

Всё ж мученица из Елабуги
Хоть в том счастливей нас была,
Что этих дней цвета и запахи
Прозрев, до них не дожила.

1978

ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Да, он идет в пространства и пустоты,
Где зло пластом нетронутым лежит,
И для него достаточно работы...
Идет с надеждой: разум победит!
И молод он. Любой судьбы экзамен
Он выдержит, не веря до поры,
Что он в ловушке: философский камень
Не хуже прочих точит топоры.

1972

Скрижали пошли на щебенку:
Мешали резвиться ребенку.
Нашлось развлечение уму.
Пришлось потрудиться ему.
Теперь, собирая каменья,
Взрослея от недоуменья,
Он вечному хочет служить.
Бог помощь! Но как их сложить?

1972

Тупое, земноводное житье,
Бестелое, бесполое столетье,
По узкой морде хлестанное плетью
За песье послушание свое!
Люблю тебя за твой язык беспольный,
Мой земноводный век, за твой язык
Закушенный, от подлости тяжелый, —
Уже люблю, уже совсем привык...

1972

Был прав поэт: не взять умом,
Не заглянуть в глаза
Стране, помеченной клеймом,
И знать ее — нельзя.
Оставь надежду, робинзон,
И отложи тетрадь:
Россию, как кошмарный сон,
Нельзя пересказать.

1975

Век мой, скроенный дешево!
Злую память любя,
Все, что знаю хорошего, —
Ненавидеть тебя!
С малолетства до старости
Уступая судьбе,
Ничего, кроме ярости,
Не оставлю тебе.

1972

Что-то тянет меня на Таймыр,
На Ямал, где позёмка крутится —
Прочь от северных ваших пальмир
И от вас, сволочей, закатиться.
Хоть люблю коммунальный сортир,
Все же тянет меня отлучиться,
В тишине переждать этот пир
И свободно во мхи помочиться.

9 мая 1975

Когда-нибудь скотства не будет.
Я верю, что люди — не скот.
Мы схлынем, нас время осудит,
И новое племя взойдет.
Кошмар промелькнет скоротечно,
Рассеется, точно во сне.
Я верю, что скотство не вечно.
Поверит ли кто-нибудь мне?

1972

Ничему удивляться не надо
В зоопарке великих идей.
Вся надежда — отбиться от стада,
Чтобы выжить среди нелюдей.
Кровью смочена, желчью и водкой
Наша жизнь — оттого и смердит.
Чингизхан, победитель с бородкой,
Ухмыляясь, с портретов глядит.

1976

Для вас еще настанет время
Читать, умнеть и жизнь любить,
А он меж вами будет темя
Чесать, лысеть и зло копить.
Когда ваш смертник зло накопит
И жизнь людскую проклянет,
Он вашу истину утопит
И музу честную лягнет.

1975

Отдать, когда б она не вся,
Полжизни — за перо,
Отдать бы вечность, да нельзя,
И совесть, да старо.
Рассудок мой, что оскудел,
Предчувствуя тюрьму,
Я отдал бы, когда б владел,
И было бы, кому.

1975

* * *

Три воды обегают вокруг островка,
Друг от дружки родясь чередой,
И Лебязья канавка, мелка и узка,
Протянулась четвертой водой.

Три строки набегают, четвертой строкой
Замыкаясь в единстве своем.
Три беды возникают, с протокой-тоской
Образуя один водоем.

Три беды вытекают одна из другой,
И торопится внучка-река
Нас волною настичь, обогнуть и петлей
Захлестнуть, чтоб умолкла строка.

1974

* * *

От пошлости и ты не спрячешься —
Пьешь, учишься или дурачишься.

Перешибет латынь и греческий
Фантом ее нечеловеческий.

Она повсюду — эта властная
Физиономия скуластая...

Анкетными я сыт романсами,
Газетными протуберанцами.

В моей душе, как тема встречающая,
Свербит ее основа вечная.

Я — капелька твоей надменности,
Блюстительница современности!

1972

НА ЛИТЕЙНОМ

Эта осень страшна. Город влажен и мглист.
Ночи сделались долги.
На работу спешит запоздалый гебист,
Вылезая из волги.

Ты плетешься на службу в отцовском пальто,
Набухающем влагой.
Кто разделит с тобой твою ношу? Никто.
Поделись хоть с бумагой.

Не скупясь, безысходностью с ней поделись,
Правоты своей узник.
Этот желтый, дешевый, тетрадный лист —
Твой последний союзник.

1977

ПАМЯТНИК

И я, неведомый пиита,
Вослед пиита знаменита...

Я памятник воздвиг, от века небывалый,
Но не скажу — себе, скрывая торжество.
Не то что пирамид, а нет былинки малой,
Упрятанной от глаз надежнее его.

Умру я весь, дотла. Пусть смерть нарек изгладит
Об имени моем из памяти людской, —
В ней, гордый внук славян, я, твой еврейский прадед,
Равенство предвкушал, свободу и покой.

Слух обо мне заглох в подвалах на Шпалерной.
Я не шутя любил мой безъязыкий век,
И Бога лишь о том молил нелицемерно,
Чтоб знать меня не знал латыш или узбек.

И я не льстил себя тем, что, в времени в угоду,
Фелицу не воспел, на стогны звать дерзнул, —
Любезнее всего я тем служил *народу*,
Что пальцем для свобод его не шевельнул.

Вот, муза, мой итог: твой пасынок счастливый,
Я прожил *эту* жизнь и принял *эту* смерть
И, верю, заслужил награды справедливой:
Мою строку со мной верни в родную твердь.

1977

* * *

Плачь, мой город, я *был* тебе сыном.
Да, не лучшим, но все-таки был.
По дворам твоим и магазинам,
Вдоль каналов и речек бродил.

Жил надеждой, просвета не видя,
Ждал успеха, обиды терпя.
Я вживался в тебя, ненавидя,
Проклиная, но втайне — любя.

Ты, неслыханным прошлым украшен,
С бутафорскою честью в уме,
До чего же спесив ты и страшен,
Полупьяный, в словесном дерьме.

Ты, эклектик, культурой ошпарен
И стихом захлебнулся, хрипя.
Да, ты немец, но втайне — татарин.
Отвяжись, ненавижу тебя.

Двести лет надыхаться не можем,
Дышим смрадом болот и тюрьмы.
Над гранитным твердеющим ложем —
Желтый пар петербургской зимы.

1977

МОНОЛОГИ ОБРЕЧЕННОГО

1

Друг мой, неси эту тяжесть сама,
Я неспособен, сдаюсь.
Слабость и ненависть сводят с ума —
Вот мой священный союз.

Знаю, ты слабость любила во мне
(ненависть — новый дружок).
Страх земноводный ползет по спине,
Дрожь, идиотский смешок.

Думай что знаешь, люби не люби,
Тольконими эту боль,
От накопления железа в крови,
Хочешь не хочешь, уволь.

Жалко, что жалостен твой идиот,
Жалко, что бьет его дрожь.
Волчья позёмка метет и метет,
Сгинем — следов не найдешь.

1976

...Поэзия, тебе служить
Хотел я жизнью всей —
Но жизни нет, и нечем жить,
И нет к тебе путей.

Покой, твоих прозрачных вод
Взыскал так рано я —
Но нет тебя, разрушен грот,
Отравлена струя.

Смерть, я тебя не стал бы звать
В мои бывшие дни,
Но не на кого уповать —
Хоть ты не обмани.

1977

* * *

Еще потеряно не все,
Еще звезда не закатилась,
Еще вертится колесо —
Штурвал судьбы, Господня милость.
Еще не сглазили слова
Литературные подонки,
Еще душа твоя жива
И стоит больше селезенки.

1975

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

А. Пушкин

* * *

Подумать как переменялся мир!
Закончен мой литературный пир.
Зачем он был? Его я проклиная,
И с ним — себя. И чем я жив, не знаю.

Будь проклят, поэтический запой!
Я душу чудом уберег с тобой.
Душа спала, когда стихи писались —
И совести как будто не касались.

А ты... Теперь мне проще умереть,
Чем в прошлое внимательно смотреть.
Но не смотреть нельзя: кусочек смерти —
В тебе, во мне, в потерянном конверте...

Твои силки, наперсница моя!
Чтó ненависть? Нелепая статья.
Не спать, не есть — что толку ненавидеть
Себя? — Мне этой пасти не насытить.

Гляди, Левиафан! Твой взгляд остер.
Поблажкою почел бы я костер.
Ты, зверь минувшего! глотни — вот пытка —
Тысячелетней выдержки напиток...

* * *

Возьми любые девять дней —
Они тот месяц заслоняют,
Те девять встреч... но все ясней
Черты бывшего проступают.

Все — от снятия чулок
До паузы, до сигареты —
Я вижу... Алигьери, где ты?
Твой ад не страшен, ужас шлох.

Как эта женщина легка,
Легка, стройна, неуязвима...
Как эта память далека!
Как боль моя невыразима!

Не уверяй, что это ты
Была: поверить невозможно.
Неряшлива и суматошна
Судьба... Не хватит доброты.

Я вижу: там, в прорехе дня,
Две музы, точно две подруги,
Стоят, соединили руки
И смотрят, смотрят на меня...

* * *

Да, мне позволено, я загляну
В комнату эту.
Точно знакомой, кровати кивну.
Спит он. Спокойному этому сну
Рад, пролистаю газету.

Следом за мной водянистый рассвет
В мутные окна
Мирно прольется — на пыльный буфет,
Стул, этажерку, и старый паркет
Вдруг обнаружит волокна.

Время подходит, будильник звонит.
Он, просыпаясь,
Ищет гантели, на кухню спешит,
Плещется, бреется. Чайник кипит,
Диктор бубнит, вдохновляясь.

Зимние сумерки. Время не ждет.
Завтрак окончен.
Вижу, как сунув в портфель бутерброд
И сигареты, он к двери идет,
Ровен и сосредоточен.

Я не замечен. Я призрак, я тень
В комнате этой.
Смерть мне выписывает бюллетень
Из любопытства... И ширится день
Над петербургскою Летою.

* * *

И над вами восходит звезда,
Красноватая, древняя, та,
Что знавала Евфрат до потопа.
Эта летняя ночь до утра —
Вам в подарок. Богиня щедра.
И под нею вы оба.

С желтой ленточкой платье твое
В кресле сложено, рядом белье,
Лифчик ты расстегнула.
Вот присела, вот тень к потолку
Потянулась, рука — к ночнику,
И чулок сполз со стула.

Торопíтесь. Как ночь коротка!
Как худеет, трепещет рука...
Коротко одеяльце.
Зябнешь ты, дрожь не можешь унять —
И забыла мой камешек снять
С безымянного пальца.

* * *

В те дни мы не знали цены
Любви, мы не знали струны,
Звучащей свободно и живо —
И брали аккорды фальшиво.

Закрыта была на замок
Душа, даже Тютчев не мог
В нее заглянуть без боязни.
И совесть была безучастней.

Ты, гордость, — вода в решете:
Криклива, глуха к доброте,
Слепа, красоты не заметишь,
Презреньем на кротость ответишь.

Ты, молодость, тем хороша,
Что быстро проходишь. Душа
Скудеет в бездумных порывах
И счетах твоих торопливых.

* * *

Эгоистична верная любовь,
Эгоистичны самоотвержение
И нежность... Что за странное движение
В душе подсматривает злая кровь!

Спроси себя: за что меня любить?
И нет ответа, я ведь знаю.
Не любит воду тот, кто хочет пить.
Но что мне эта истина сквозная!

* * *

Она, как низменный порок,
Меня гнетет и убивает.
Кто ж знал, что боль такой бывает?!
А, что б ее... Какой урок!

Она умрет — когда умру
Я, злою памятью раздавлен,
Где, сладким ядом слов отравлен,
Жил, с отвращением к перу,

Где даже ненависть к себе
Ничуть не искупает боли,
Где нечем жить, где нету воли
И нету стимула к борьбе.

Кренится твердь, уходит вбок,
Слышно подземное движение —
Я вижу смысла извержение,
От гибели на волосок.

А жизнь моя и смерть моя,
Полуобнявшись, как подруги,
Стоят, соединили руки
И жадно смотрят на меня.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕТИ

Ты слышишь, как воды шумят...	11
Чем ты движешься, небосвод...	13
Водящее твоей рукой...	14
Чайки свободный полет...	15
Ты, с надеждой слитая в одно...	16
Последний народоволец	17
Здесь прогуливалась история...	18
Птица летит высоко...	19
В саду, на узком островке...	21
Веди, ни о чем не жалея...	23
Из Вальмара Адамса.	24
Настурции нежные листики...	25
Ночной пирушки за столом...	26
На смерть поэта	27
Последняя чайка	28

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

Он под вечер садится за письменный стол...	31
Нельзя сказать, от поминутной злобы....	33
Восседает Смердис на троне...	34
Этот город, короткий дневник...	36

Живи, поэт-семидесятник...	38
Летучих ямбов череда...	40
Над Невой	
1. Полусвет-полутьма наших северных дней...	41
2. Бледная моя петербуржанка...	42
3. Где граница блаженства и муки...	43
4. Ты утру наступающему рад...	44
Все повторится. Повторяется...	45
В дождик, на проспекте Смирнова...	46
Время припустило без оглядки...	49
Невнятное и в знаках водяных...	50
У Фонтанки, в Косом переулке...	51
Памяти антифашиста	52
Конформист	54
Семидесятые, проклятые...	55
Восьмистишия	
1. Да, он идет в пространства и пустоты...	56
2. Скрижали пошли на щебенку...	57
3. Тупое, земноводное житье...	58
4. Был прав поэт: не взять умом...	59
5. Век мой, скроенный дешево...	60
6. Что-то тянет меня на Таймыр...	61
7. Когда-нибудь скотства не будет...	62
8. Ничему удивляться не надо...	63
9. Для вас еще настанет время...	64
10. Отдать, когда б она не вся...	65
Три воды обегает вокруг островка...	66
От пошлости и ты не спрячешься...	67
На Литейном	68
Памятник	69
Плачь, мой город, я был тебе сыном...	71

Монологи обреченного

1. Друг мой, неси эту тяжесть сама...	72
2. Поэзия, тебе служить...	73
Еще потеряно не все...	74

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Подумать как переменился мир...	77
Возьми любые девять дней...	78
Да, мне позволено, я загляну...	79
И над вами восходит звезда...	81
В те дни мы не знали цены...	82
Эгоистична верная любовь...	83
Она, как низменный порок...	84

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	читать
7	10 сверху	Almanah	Almanach
44	4 снизу	предчувствующий	предчувствующей
45	3 снизу	Гавре	Риме
69	3 сверху	знамената	знаменита